

Бруяко И. В.

ОТ ДИОРАМЫ К ПАНОРАМЕ (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р. Х.)

Bruyako I.V. From diorama to panorama (about the perspectives on the way of solving the problem of the Northern Pont crisis of the III c.B.C.)

The article is dedicated to the analyses of the 4 exiting today conceptions of the death of Great Scythia: «Sarmatian», «Celtic-Galatian», «economic» and «climate». The author thinks that in the works of last years the preference is given to the hybrid of «Sarmatian-Celtic» version of the explanation of events of III c.B.C. Pointing out to the possibility of such a variant the author thinks its necessary to remind that it is contradicted by some facts. Thus, the traces of ruin in early III c.B.C. are noted only at the rural settlements of Low Bug area. These traces are absent at the settlements of Low Dniester area and are practically absent in the Low Dnieper area.

There are no Sarmatian burials of III c.B.C. in the Northern Black Sea area. In general, in author's opinion, the modern interpretation does not take into account that in the western, Dniester-Danube area of the steppe Scythia in the III c.B.C. there continued to exist some kind of Scythian isolated community. Evidently it did not experience the attacks of Sarmatians.

Besides in the late III c.B.C. there appeared Scythian fortress on the Low Dnieper. This contradicts the idea that in early III c.B.C. Sarmatians «exterminated» the population of the steppe Scythia. In such a situation the author thinks its necessary to address again his conception that he develops about the economic reasons of the crisis of the III c.B.C. and to bring new arguments in its favor. The author believes that in future the most perspective approach to the solution of the problem is a synthesized one based on all 4 conceptions.

The premise of the solution of the problem is the solution of the following tasks: elaboration of chronology of rural settlements of Low Bug area and Dniester area, chronology of mounds, chronology of Scythian and Thracian monuments of III-II c. B.C. in Low Danube area and the solution of the problem of death of Getica.

Эту проблему можно с уверенностью причислить к разряду «вечных» проблем археологии и древней истории. В настоящее время все возможные варианты ее решения, так или иначе, сводимы к четырем концепциям: сарматской, кельто-галатской, экономической и климатической (Бруяко 1997). За исключением последней, остальные обрели статус концепций еще в первой половине XX века, главным образом, на основе фактических данных античной письменной традиции. Интенсивное накопление и разработка археологических источников во второй половине столетия, как и следовало ожидать, создали известные трудности для дальнейшей жизнеспособности каждой из них в той трактовке, которая была присуща им изначально. Тем самым необходимость в обсуждении этой темы, корректировке основных положений концепций, становилась в последние годы все более очевидной.

И действительно, рамки сарматской концепции уже как будто бы почти не выдерживают напора археологических фактов, которые, казалось бы, вопиют о непричастности этих кочевников к гибели Великой Скифии. При всех неувязках хронологического плана, «неубиен-

ной картой» в пользу кельто-галатской концепции остается текст декрета в честь Протогена. Однако явно разочаровывают опять-таки данные археологии, которые, с одной стороны, вроде бы и подтверждают кратковременное пребывание кельтов в Северо-Западном Причерноморье (или, по крайней мере, не противоречат этому), а с другой — очевидность этого не столь уж и очевидна. Относительная стагнация в развитии экономической концепции во многом объясняется тем, что для ее эволюции археологические источники мало что дают. Основой здесь остаются все те же литературные памятники и давно известные эпиграфические документы. Впрочем, фрагментарность последних сохраняет довольно значительные возможности для их периодического переосмысления. Наконец, успехи естественных наук и их внедрение в область ведения древней истории и археологии привели совсем недавно к оформлению новой, четвертой по счету, климатической концепции.

Все это не осталось незамеченным для редколлегии ВДИ, которая в 1997 году открыла дискуссию по проблеме северопонтийского кризиса III в. до Р. Х. двумя статьями, имеющими

очевидную «просарматскую» направленность (Виноградов, Марченко, Рогов 1997; Виноградов 1997). Историко-археологический очерк в первой работе подкреплен новым прочтением старого эпиграфического документа во второй. Отправной точкой всех последующих рассуждений в статье Ю. А. Виноградова, К. К. Марченко, Е. Я. Рогова является детальная хронология событий на восточном рубеже степной Скифии во второй пол. IV — нач. III вв. до Р.Х., где опорным археологическим объектом является Елизаветовское городище. Именно здесь археологические данные с наибольшей очевидностью позволяют зафиксировать начальную фазу сарматской экспансии в Северном Причерноморье (условно 350-300 гг.). Около середины IV века первые признаки надвигающейся опасности стали ощущаться и в глубинных районах степной Скифии.

Реакцией на это было, в частности, переселение скифов во главе с Атеем за Дунай (Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 97)¹. Последующие этапы сарматской экспансии, вплоть до середины II в. до Р.Х., не могут быть истолкованы однозначно, исходя только лишь из данных археологии, и реконструируются в основном по косвенным сведениям, содержащимся в письменных источниках, и соображениям общеисторического характера (таблица).

Новым в трактовке сарматской концепции является обозначение двух последовательных ударов — по степным скифам и по эллинскому населению округа греческих городов. После истребления скифов в Причерноморье устанавливается период относительного затишья. Этот период длится приблизительно 30 лет. Именно на него приходится расцвет хозяйственно-

экономической деятельности сельских поселений, прерванный теми же сарматами на рубеже 70 — 60 гг. III в., когда они нанесли второй удар, направленный теперь уже непосредственно против поселений округа античных центров. Поскольку и в первом, и во втором случае сарматы возвращались на исходные позиции в Подонье, то этим и объясняется отсутствие в Причерноморье III в. до Р.Х. полноценных сарматских комплексов (Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 94,101).

Чем было вызвано такое разделение целей при единой стратегической задаче — овладении Северным Причерноморьем? Скифы попали под удар первыми, поскольку они издавна являлись хозяевами причерноморских степей, на владение которыми теперь претендовали амбициозные сарматы.

Антиэллинистские настроения последних, возобладавшие спустя несколько десятилетий, были вызваны последовательной переменой в отношениях между сарматами Прикубанья и Боспором, от союзнических до враждебных. Последние, судя по всему, распространились и на греческое население Побужья и Поднестровья (Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 97, 101).

Итак, первый удар сарматов пришелся по степным обитателям Причерноморья — скифам. Произошло это около 300 г. Вполне зримое, хотя, наверное, все же косвенное археологическое подтверждение этому — прекращение столетней эры строительства царских курганов². То же самое касается исчезновения большинства скифских степных памятников в начале III в. Хотя мера постепенности (два-три десятилетия) или внезапности (несколько лет) этого процесса трудноуловима. Внезапное исчезновение предполагает военный разгром. Вопрос — разгром чего? Удар, направленный против скифов, должен был иметь конкретные физико-географические точки своего приложения. Когда таких опорных точек нет, то удар приходится практически в пустоту, поскольку гоняться за мобильными конными группами по степи — затея заведомо безнадежная, что наглядно продемонстрировал скифский поход Дария I.

¹ Переселение какой-то части скифов во главе с Атеем на запад в Добруджу, как реакцию на зримую сарматскую опасность можно рассматривать лишь в том случае, если видеть в Атее либо царя всей Великой Скифии, либо, по крайней мере, предводителя какой-то племенной группировки, достаточно крупной, обитавшей где-то в Приазовье или Поднепровье. Уход большой орды скифов во главе со своим предводителем не очень хорошо согласуется с тем, что вскоре после этого (середина IV в. до Р.Х.) начинается второй и наиболее интенсивный этап строительства царских курганов. Скорее всего, Атей мог возглавлять некое региональное объединение скифов, основным районом обитания которых была Буджакская степь. Если это так, то тогда влияние сарматского фактора на переселение именно этой группы кочевников в Добруджу с географической точки зрения выглядит, по меньшей мере, не вполне логичным.

Историография вопроса о ранге Атея в иерархии Великой Скифии достаточно обширна и потому, как бы того ни хотелось, высказать на этот счет какое-то принципиально новое суждение практически невозможно. Одной из последних работ, где еще раз рассмотрены все имеющиеся по этому вопросу мнения, является монография С.И. Андрух (1995: 75 и сл.). Я лишь присоединяюсь к ее точке зрения.

² Эта дата (300 г. до Р.Х.), впрочем, целиком зависит от согласованности мнений по поводу хронологии клейменной тары из самых поздних степных погребальных комплексов скифской знати, к которым обычно относят Александрополь, Огуз и Деев курган. Пока такая согласованность отсутствует. Так, в одной из последних работ С.Ю. Монахов предлагает датировать оба гераклеийских клейма из Александрополя 30-ми гг. IV в. до Р.Х. К этому же времени он относит и сооружение двух других курганов. Для Деева кургана возможна чуть более поздняя дата — рубеж 3-й — 4-й четвертей IV в. Тем самым некоторая лакуна, которая существовала между временем сооружения основной массы царских курганов и указанных трех, вроде бы ликвидируется (Monahov 1995/1996: 46 et suiv.).

Но к рубежу IV-III вв. до Р.Х. скифское общество в социально-экономическом отношении выглядит уже совершенно иначе, нежели в архаическую эпоху. Кочевое скотоводство как социально-престижный показатель остается уделом немногочисленной в общей массе аристократической (номовой) верхушки, образующей своеобразную категорию «номадов-помещиков». Подавляющее большинство экс-номадов перешло к полуседлому и оседлому образу жизни со всей присущей ему экономической и урбанистической атрибутикой. В первую очередь, это политико-административный центр (или центры), а также сеть долговременных поселенческих структур с самыми разнообразными функциями. Тесные двухсотлетние греко-варварские взаимоотношения привели не только к оригинальному симбиозу материальной культуры, но и к смешению на этническом уровне, когда через 6-7 поколений какой-либо отдельно взятый индивидуум вряд ли толком мог осознавать себя как «чистого» скифа, или столь же «чистого» эллина. Воплощением упомянутого культурного симбиоза как раз и выступают сельские поселения округи античных центров со своей материальной культурой, слагаемые которой вряд ли можно будет когда-либо вычленить с помощью универсальной процедуры подсчета процентного соотношения чего бы то ни было. То же самое, но еще более наглядно демонстрирует погребальный обряд могильников таких поселений.

Таким образом, нападению сарматов должны были подвергнуться не абстрактные скифы-кочевники, а конкретные точки поселенческой инфраструктуры Скифии, в которых была сосредоточена значительная часть хозяйственно-экономического потенциала общества. Помимо «чисто» скифских поселений, мера «чистоты» которых определяется обычно степенью их удаленности от того или иного античного центра, сюда, вероятно, следует отнести и какую-то (на мой взгляд, большую) часть сельских поселений так называемой ближней хоры.

Совершенно определенно можно говорить о том, что на тех сельских поселениях Нижнего Поднепровья, где проводились стационарные раскопки (их, правда, немного) нет никаких следов разгрома в первой половине III в. до Р.Х., когда они прекращают свое существование. Это довольно существенное ситуативное отличие от области Нижнего Побужья, где такие следы зафиксированы археологически. Хотя, говорить о тотальном разгроме сельской округи нельзя, по-видимому, и здесь (Снытко 1997: 245). Создается как раз впечатление не планомерной акции военного уничтожения, а кратковременных набеговых операций, в результате которых пострадали лишь некоторые, оказавшиеся на пути агрессора поселения. Практически нет следов разрушений и на поселениях Нижнего Поднепровья, оставленных жителями также в

первой трети III в. (Былкова 1997: 188), в том числе и на Каменском городище, которое, будучи признанным (не всеми, правда) политико-административным центром Скифии вообще, должно было подвергнуться разгрому едва ли не в первую очередь. Вероятнее всего, большинство поселений было оставлено заблаговременно, ввиду какой-то угрозы, и лишь некоторые погибли внезапно, в результате ее осуществления.

К сожалению, мы имеем то, что имеем, и поэтому для верификации восточного, сарматского фактора используются такие далекие западные материалы, что, располагая декретом в честь Протогена, трудно не учитывать совершенно реальный и гораздо более близкий территориально кельтский фактор. Тем более что исключительная военная активность кельтов в областях, непосредственно прилегающих к Северному Причерноморью с запада и юго-запада, благодаря литературным источникам известна достаточно хорошо. Впрочем, и для кельтской, и для сарматской концепций по-прежнему актуально их археологическое обоснование. В особенности это касается сарматов, поскольку географическая и временная протяженность их предполагаемой экспансии вряд ли сопоставима с масштабами кельтских набегов, столь же, правда, предполагаемыми. Ситуативное сходство между эпохой архаики и раннего эллинизма, которое, по мнению Ю.Г.Виноградова, объясняет отсутствие сарматских памятников в степном Причерноморье III и большей части II веков (Виноградов 1997: 123-124), все же не является абсолютным. Погребения ранних скифов, хотя и довольно редко, но все же встречаются в Северном Причерноморье практически повсеместно. Сарматские памятники соответствующего периода нет вообще.

Целостному восприятию сарматской концепции в новой трактовке мешает, на мой взгляд, и одна, вроде бы несущественная, натяжка, присутствующая в интерпретационной части вновь публикуемого текста херсонесского декрета (Виноградов 1997: 120). Речь идет о локализации рынка сбыта потенциальных рабов в лице граждан Херсонеса, который предположил Ю.Г.Виноградов. Во-первых, операция по захвату пленников происходила, судя по всему, в августе-сентябре, а сарматы, по заключению автора, появлялись в северной Таврии только зимой. Значит, пленных в этот период времени необходимо было где-то содержать, причем не в самых плохих условиях, если продавцы хотели получить за них приличное вознаграждение. Во-вторых, поскольку сарматы после очередного набега отходили на восток к Дону, то, вероятно, и всю добычу, включая пленных, они уводили с собой. Тогда такой многотысячный переход в условиях зимней степи вряд ли был бы под силу толпе пеших пленников, среди которых, вероятно, должны

были находиться женщины и дети.

Довольно часто на выбор той или иной концепции данного кризиса влияли степень изученности той или иной области степной Скифии (в данном случае — восточной или западной), а также то, насколько одинаково владел археологической ситуацией в этих двух областях конкретный исследователь³. Отсюда, по-видимому, и частые взаимные обвинения в «узколокальных» подходах при решении данной проблемы. Один из компромиссных вариантов такого решения, как мне кажется, присутствует в статье Ю.А.Виноградова, К.К.Марченко и Е.Я.Рогова. Смысл его заключается в том, что к гибели Скифии могли быть одновременно причастны и кельты, и сарматы. Авторы фактически уравнивали влияние сарматского и кельтского факторов, отведя каждому из них ту область степной Скифии, в которой их активность выглядела бы вполне правдоподобной хотя бы по соображениям географического порядка (Виноградов, Марченко, Рогов 1997: 102; см. также Симоненко 1987). В целом синхронное продвижение кельтов и сарматов соответственно на восток (юго-восток) и на запад вполне могло привести к их открытому столкновению где-ни-

³ При чтении отечественных работ по скифо-античной археологии, вышедших до конца 70-х — 80-х гг., трудно отделаться от мысли, что западной границей степной Скифии на самом деле являлось нижнее течение Днепра или, в крайнем случае, Южного Буга. И несмотря на то, что ошибочность этого представления в конце концов стала очевидной, такой довольно своеобразный исследовательский стереотип оказался весьма устойчивым, что и проявилось теперь уже для III в. до Р.Х. Очевидно, что рассматривать историческое развитие региона, игнорируя какую-то его часть (в данном случае северо-западную), единую с ним по историко-культурным, да и (что немаловажно) ландшафтно-географическим характеристикам — невозможно. Поэтому район Нижнего Поднестровья и Буджакская степь все время как бы «пристегиваются» к хронологии остальной части Северного Причерноморья и, по-видимому, не вполне обоснованно, поскольку этих самых оснований пока и нет. Конечно, возможно, что кризисные явления III века в Побужье и Поднестровье синхронны. Возможно и то, что на первую треть III в. приходится пик хозяйственно-экономического расцвета на всех сельских поселениях Северного Причерноморья. Но пока такая возможность остается гипотетической, поскольку не подтверждается соответствующим анализом фактического материала, который на памятниках западной периферии попросту еще не проделан.

Понятно, что информационный голод порождает стремление задействовать любые источники, в т. ч. краткие тезисные сведения, устные сообщения и т. п. Иногда это приводит к недоразумениям, подобным печальному известию о гибели Надлиманского городища в начале III в. до Р.Х. (Мошкова 1997: 75). Повторюсь, может быть, это и так, однако дело в том, что, не считая двух-трех небольших заметок, посвященных этому, безусловно, неординарному памятнику, к тому же вышедших 30 лет назад, никаких публикаций по Надлиманскому городищу нет.

будь на рубеже Нижнего Поднестровья или Побужья. Когда мог произойти этот предполагаемый конфликт? По всей видимости, еще до того, как в последней четверти III в. до Р.Х. на отдельных поселениях Побужья и Поднестровья после некоторого перерыва наблюдается возврат к оседлой жизни, о чем свидетельствует соответствующий археологический материал. Это, в свою очередь, означает наступление периода какой-то (пускай относительной) стабильности. Причем стабильность эта распространилась, вероятно, не только на колонизационные анклавные, но и на более отдаленные степные районы Барбарикума. В Нижнем Поднестровье на исходе III века появляется цепочка городищ⁴. В Нижнем Поднестровье от района Тирасполя и далее на юг расположены довольно крупные могильники и ряд поселений. Культурная принадлежность населения этих областей к скифскому миру в целом сомнений не вызывает. Зато можно усомниться в том, что в первой половине III в. до Р.Х. имело место поголовное истребление степных скифов. Довольно весомые основания для этого дают продолжающиеся исследования в Приднестровье (Яровой, Субботин, Четвериков 1997). Здесь вполне может статься так, что материалы т.н. Тираспольской группы обещают осязаемый, зримый переход от классических степных к позднескифским древностям. Раскопками Т.А.Щербаковой в 1993 г. здесь же, у с. Чобручи (на левом берегу Днестра) открыто какое-то очень крупное многослойное поселение, возможно, торжище, в том числе и с материалами III—II вв. до Р.Х., среди которых прежде всего поражает обилие клейм. За четыре сезона их найдено свыше 80 экз. (приблизительно половина принадлежит поздним скифским группам, два десятка — Родосу). Помимо клейм, в Чобручах представлен и другой импорт эллинистического периода — терракоты, расписная керамика (Щербакова 1994, 1997; Кайдаш, Тащи 1997). Конечно, пока мы располагаем лишь предварительными результатами этих исследований. Тем не менее, согласимся, что наличие подобного скифского, или скифо-эллинистического, анклава в Нижнем Поднестровье, существование которого подтверждается теперь уже и новыми материалами эллинистического времени, не способствует восприятию сарматов как пресловутого универсального дестабилизирующего фактора для всего Северного Причерноморья. Какие-то аргументы *contra* наверняка появятся и после полной публикации скифских могильников левобережья Нижнего Дуная, среди материалов, которых, опять-таки, судя по предварительным сообщениям тезисного плана, есть хроноиндикаторы «хорошего» III века (см., напр., Редина 1993). Ждет своего объясне-

⁴ Эта дата не является общепринятой. Предлагается, в частности, вторая половина II в. до Р.Х. (Полин 1992: 107-108; Былкова 1997: 191).

ния и следующий, весьма любопытный факт. На некоторых скифских могильниках Днестро-Дунайского междуречья, которые прекратили использовать в начале III в., в конце столетия и следующем, II в. до Р.Х. периодически происходят какие-то события, в результате которых в насыпях отдельных курганов оказались клейма Родоса времени пергамского комплекса и позднее⁵.

Возвращаясь к проблеме нижнеднепровских позднескифских городищ, можно отметить следующий интересный факт. А именно, наличие здесь в лепном керамическом комплексе явных фракоидных форм, причем в таком количестве, которое, по-видимому, исключает всякие диффузивные теории. Объясняя это явление, М.Е.Ткачук, мнение которого я разделяю, предполагает такой вариант развития событий. Удар по Гетике с севера и северо-запада из районов Прикарпатья, который нанесли кельты в III в. до Р.Х., привел к тому, что монолитный культурный блок фракийских древностей в молдавской части Бессарабии раскололся на два. Один из них (условно западный) переместился в Трансильванию, где в течение II в. до Р.Х. трансформировался в раннедакийскую культуру. Вторая волна двинулась на восток и, достигнув берегов Нижнего Днепра, вошла в состав населения позднескифских городищ (Ткачиус 1994: 235-237). Примечательна топография этих городищ. Они рассредоточены по обоим берегам реки примерно поровну. Создается впечатление, что обитатели городищ вынуждены были считаться с потенциальной угрозой как с востока, так и с запада. Причем, вероятнее всего, такая угроза была реальной несколько раньше, а система городищ, возникшая (а отчасти, может быть, и восстановленная), так сказать, *post factum*, продолжает существовать во II и I вв. до Р.Х.

Меньше всего энтузиазма вызывают попытки развития экономической концепции кризиса (Врујако 1997: 75 и сл.). Быть может, проблема торговой конкуренции в античном мире сама по себе и не являлась актуальной. Однако экономический аспект вряд ли может быть полностью оторван от политических событий. В конце концов, в любой военно-политической акции целью, которой было подчинение или уничтожение противника, во все времена использовался такой мощный принудительный фактор, как экономическая блокада. Черно-

⁵ В могильнике Курчи найдено 2 эпонимных клейма 220-180 гг.; в кургане эпохи бронзы у с. Холмское — верхняя часть амфоры с двумя клеймами 180-108 гг.; в кургане №2 группы «Цыганка» — 2 родосских клейма II в. Любопытно, что в последнем случае эпонимное клеймо Горгона оттиснуто тем же штампом, что и клеймо, найденное в 10 км южнее, на фракийском городище Новосельское-11. Это же имя, но другого штампа, содержится и на амфоре из Холмского (Врујако 1997: 81; Врујако, Новиќи 1997: 168; Самойлова, Редина 1997).

морские проливы — одно из самых подходящих мест средиземноморско-понтийского региона, где подобные акции могли проводиться с максимальным эффектом. Впервые о блокаде понтийских проливов как факторе военно-экономического давления сообщает Геродот, описывая события, связанные с ионийским восстанием середины 90-х гг. V в. до Р.Х. (VI.26). Ситуация повторяется чуть позднее, после захвата Византия персами и разгрома, учиненного союзным финикийским флотом в Пропонтиде. В 480 г. Ксеркс запрещает своим военачальникам захватывать идущие через Геллеспонт греческие торговые суда с грузом хлеба для Эгины и Пелопоннеса, самонадеянно предполагая воспользоваться этим же хлебом после покорения Эллады (Her., VII. 147). Неизвестно, насколько достоверен этот диалог Ксеркса с приближенными, однако согласимся, что тема «проливы — хлеб» озвучена Геродотом вполне определено. Любопытно и то, что эти события 90 — 80-х гг. V в. до Р.Х. удивительным образом совпали с первым глобальным кризисом хоры греческих городов Северного Понта, главной причиной которого нужно, конечно же, считать резко возросшую активность новой волны скифов — кочевников (среднескифская культура), появившихся в Северном Причерноморье во второй половине VI в. до Р.Х. (Алексеев 1992: 111-112; Бруяко 1990: 10-12). Понятно, что такое положение дел совершенно не устраивало греков, и они, после относительной стабилизации военно-политического положения в Центральной Греции в 477/6 г., взяв Византий, восстановили контроль над проливами. Экспедиция Перикла в Понт (438/7 г.) также, судя по всему, не была мероприятием исключительно краеведческого характера и среди прочего преследовала цель интенсифицировать экспорт понтийского зерна после потери Афинами египетского аграрного района в середине 50-х гг. И вновь совпадение. Вскоре после посещения афинским флотом Понта начинается постепенное восстановление сельской округи античных центров Северного Причерноморья⁶. Борьба за проливы являлась одним из ключевых моментов на завершающем этапе Пелопоннесской войны в 411-404 гг., после сицилийской катастрофы (учреждение Афинами Хрисопольской таможни, захват Византия Алкивиадом и т.п.). Поражение афинского флота при Эгоспотамах и взятие Византия Лисандром в 404 г. до Р.Х. окончательно лишили Афины доступа к понтийскому рынку. В трудах античных авторов, повествующих о событиях первой половины IV в. до Р.Х. в Эгееде, Византий, Пропонтида и Геллеспонт постоянно фигурируют как районы жизненно важных интересов Афин.

⁶ Хотя пик этого процесса, по-видимому, приходится на более позднее время — самое начало IV в., когда после Пелопоннесской войны Афины вернули себе контроль над проливами.

Это, в частности, все время подчеркивает Ксенофонт в своей «Греческой истории» (I.22; II.17; 4.28,61). В 389 г. афинский стратег Фрасибул, захватив в очередной раз Византий, восстанавливает 10%-ную пошлину на понтийские товары. В следующем году военные корабли Диотима конвоируют афинские хлебные транспорты в Пропонтиде⁷, однако лакедемонская эскадра Анталкида перехватывает эти же торговые суда на переходе от Геллеспонта в Афины.

Если судить по выдержкам из речи Лисия против хлебных торговцев (XXII.14), то подобные акции со стороны спартанцев и их союзников предпринимались неоднократно. Согласно Демосфену (XVII.20), определенные трудности с хлебными поставками возникли у Афин и в 40-е гг. IV в. до Р.Х. в связи с осадой Византия Филиппом II. Наконец, наша ситуация первой половины III в. до Р.Х., когда в коалиционные конфликты оказалось втянутым едва ли не большинство городов Пропонтиды, крупнейшие центры Западного и Южного Понта, галаты, Македония, Селевкиды, птолемеевский Египет, позволяет думать, что торговый фактор играл здесь не последнюю роль. Египет, как известно, проводил активную «хлебную» политику, в результате которой египетское зерно вывозится даже в южно-понтийские города (Гераклея; Сапрыкин 1986: 165, 174), а в северо-понтийских центрах (Ольвия) появляется продукция египетских керамических мастерских (Шургая 1972). Кстати, в первой половине III в. до Р.Х. в составе керамического импорта в городах Северного Причерноморья происходят существенные изменения. Так, аттический импорт окончательно утрачивает свое бесспорное для V и IV вв. первенство. Его место занимает, или, по крайней мере, делит, продукция малоазийских центров-экспортеров (Пергам). Вновь заметной становится доля островных керамических центров (Самос, Родос; Забелина 1992: 294). Весьма примечателен также рост объема внутривосточной торговли, основными агентами в которой выступали Херсонес, Синопа, Боспор. Все это может свидетельствовать, в том числе, и о снижении в Эгеиде интереса к понтийскому хлебу.

Эскиз, представленный здесь, страдает од-

ним существенным недостатком — отсутствием четких хронологических сцепок, при помощи которых из отдельных этюдов можно было бы выстроить последовательно разворачивающуюся картину событий панорамного типа. Концептуальные варианты решения проблемы кризиса III века определены, и вряд ли, по крайней мере, в обозримом будущем оформится какая-то принципиально новая точка зрения. Возможно лишь гибридное развитие отмеченных концепций. Поэтому сейчас разработка проблемы должна, по-видимому, идти вглубь — от уточнения хронологии отдельных памятников, групп материала к региональным культурно-хронологическим схемам и, в конечном итоге, к увязке их с событиями, о которых повествуют письменные источники. Аналитическая часть программы должна в первую очередь включать вопрос о состоянии хронологических индикаторов для III в. в целом. Здесь, к сожалению, не все может быть сделано на базе наших, причерноморских материалов. Это действительно достойно сожаления, так как последующие задачи со всей очевидностью вытекают из первой:

— хронология сельских поселений Нижнего Побужья и Поднестровья (памятники первой половины и последней трети /четверти III в. до Р.Х.);

— хронология нижнеднепровских городищ;

— хронология Тираспольской группы;

— скифские и фракийские памятники Нижнего Подунавья III — II вв. до Р.Х.;

— гибель Гетики.⁸

Очевидно, что для решения такой проблемы необходимы коллективные усилия, ибо разнообразие вопросов, ее формирующих, не позволяет отдельному исследователю одинаково свободно ориентироваться в каждом из них. Ведь скажем, если специалисты по эпиграфике, проанализировав в очередной раз тот или иной документ, заявляют, что его археологическое обоснование зависит теперь от археологов, то это вряд ли следует считать лишь похвальной скромностью. Для археологов, в свою очередь, эпоха энциклопедистов прошла безвозвратно по совершенно объективным причинам.

⁷ Лисий. Речи. М., 1994. прим. 67 к речи XIX. пер. и коммент. С.И. Соболевского.

⁸ Не все благополучно оказывается и в «сарматском королевстве». Здесь те же проблемы, связанные с выделением памятников III в. до Р.Х., т.е. отсутствием для этого периода надежных хронологических индикаторов (Клепиков, Скрипкин 1997: 31).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. 1992. Скифская хроника. СПб.
- Андрух С.И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I вв. до н.э. (этнополитический аспект). Запорожье.
- Брюяко И.В. 1990. О двух этапах пространственного становления хоры греческих городов Нижнего Поднепровья // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Ч.II. Белгород-Днестровский.
- Былкова В.П. 1997. О хронологии поселений Нижнего Поднепровья античной эпохи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. 1997. Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ №3.
- Виноградов Ю.Г. 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ №3.
- Забелина В.С. 1992. Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945-1974 гг. // Сообщ. ГМИИ. Вып.10.
- Кайдаш А.Е., Тащи Е.Ф. 1997. Синопские амфорные клейма второй половины III в. до н.э. Поселение Чобручи // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С. 1997. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. Вып.5. Азов.
- Мошкова М.Г. 1997. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф.Смирнова // Донские древности. Вып.5. Азов.
- Полин С. В. 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
- Редина Е.Ф. 1993. Классификация фибул из скифских погребений Северо-западного Причерноморья // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
- Самойлова Т.Л., Редина Е.Ф. 1997. Клейма из Скифских курганов Днестро-Дунайского междуречья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. — IV в. н. э.). // Материалы полевого семинара. Тирасполь.
- Сапрыкин С.Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Симоненко А.В. 1987. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепропетровск.
- Снытко И.А. 1997. К вопросу о причинах прекращения жизни на хоре Ольвии во второй половине III в. до н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Шургая И.Г. 1972. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ №3.
- Щербаклова Т.А. 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднепровья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Материалы Международной конференции. Тирасполь.
- Щербаклова Т.А. 1997. К вопросу о населении Нижнего Поднепровья в III-первой четверти II в. до н.э. // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). Материалы полевого семинара. Тирасполь.
- Яровой Е.В., Субботин А.В., Четвериков И.А. 1997. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднепровье. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Brujako I.V. 1997. Despre evenimentele din sec.III a. Chr. în Nord-Vestul Mării Negre (patru concepții despre criza) // Istros VIII. Brăila.
- Brujako I.V., Novîțki E.Jy. 1997. Gradiștea Novoselskoe II (Satu-Nou) — un nou complex tracic la Dunărea de Jos // Cercetări arheologice în aria Nord-Thraca. II. București.
- Monahov S.Jy. 1995/1996. La chronologie de quelques kourganes de la noblesse scythe du littoral septentrionale de la Mer Noir // Il Mar Nero II
- Tkaciuc M. 1994. Manifestări culturale din sec. V-I a. Chr // Thraco-Dacica t. XV